

Подгорская Анна Вячеславовна

ОБРАЗ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

Статья посвящена рассмотрению эволюции образа России в поэзии и прозе Иосифа Бродского. Анализ наиболее характерных (в избранном аспекте) текстов осуществляется с точки зрения функционирования в них своеобразных "знаков" русской культуры. Констатируется, что для Бродского единственной формой патриотизма является язык, который заполняет пустоту пространства и наполняет существование смыслом. В статье прослеживается воплощение образа России через ряд мотивов, главными из которых являются мотивы памяти, изгнания, империи. "Имперский" подход к трактовке образа России продолжает традиции русской классической литературы, и в этом ракурсе империя - это не только тирания как машина государственного подавления, но и великая держава - культурное образование, связанное даже не легионами, а языком. В этом аспекте образ России у Бродского дан неразрывно с её культурой, литературой и вписан в русский интертекст.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 243-245. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья посвящена рассмотрению эволюции образа России в поэзии и прозе Иосифа Бродского. Анализ наиболее характерных (в избранном аспекте) текстов осуществляется с точки зрения функционирования в них своеобразных «знаков» русской культуры. Констатируется, что для Бродского единственной формой патриотизма является язык, который заполняет пустоту пространства и наполняет существование смыслом. В статье прослеживается воплощение образа России через ряд мотивов, главными из которых являются мотивы памяти, изгнания, империи. «Имперский» подход к трактовке образа России продолжает традиции русской классической литературы, и в этом ракурсе империя – это не только тиранья как машина государственного подавления, но и великая держава – культурное образование, связанное даже не легионами, а языком. В этом аспекте образ России у Бродского дан неразрывно с её культурой, литературой и вписан в русский интертекст.

Ключевые слова и фразы: Иосиф Бродский; Россия; изгнание; русский язык; ностальгия; империя; патриотизм.

Подгорская Анна Вячеславовна, к. филол. н.

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
podgorsky_a@mail.ru*

ОБРАЗ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

Значение России как места памяти в творчестве Иосифа Бродского очень велико. Об этом свидетельствуют и не прекращающийся в его поэзии разговор с русской классической литературой через многочисленные цитаты, аллюзии и реминисценции, и повторяющиеся образы России.

В литературе русского зарубежья трудно найти поэта со столь сложными отношениями с Родиной. С одной стороны, Бродский никогда не отделял себя от России и её языка:

Когда ж о родине мне мысль приходит в голову,
я узнаю ее в лицо, тем паче – голую:
лицо у ней – мое, и мне не нравится [1, т. 4, с. 140].

Однако, с другой стороны, вернуться на Родину, даже после отмены всех запретов и настойчивых приглашений, поэт не захотел. В одном из многочисленных своих интервью он прямо говорит: «В России похоронено мое сердце, но в те места, где ты пережил любовь, не возвращаются» [Цит. по: 7, с. 290].

Иронически определяя память, которая никогда не бывает линейной, как «замену хвоста, утраченного... в процессе эволюции» [1, т. 5, с. 25], Бродский отказывается от идеализации образа России в противовес традиционной для русской эмиграции (особенно первой волны) ностальгии [3]. Поэт нередко пишет о России жестко, нелюбезно, не скрывая боли. В стихотворении «Пьяцца Маттеи» он называет себя «пасынком дикой державы, разбившей морду» [1, т. 3, с. 209]. Прежде всего, это боль просто человека, обычного человека, потерявшего «память, Отчизну, сына...» [Там же, с. 44]; боль человека, так и не увидевшего (после насильственной эмиграции) больше никогда своих родителей, которым власти в течение 12 лет отказывали в выдаче разрешения на выезд с формулировкой «нецелесообразно». Одни из самых трагичных строк в автобиографическом эссе «Полторы комнаты» посвящены родителям поэта. Эта боль не отпускала И. А. Бродского никогда. Он сознательно выбирает английский язык как «иноземный кодекс совести»: «Это не воскресит их, но по крайней мере английская грамматика в состоянии послужить лучшим запасным выходом из печных труб государственного крематория, нежели русская...» [Там же, т. 5, с. 324].

Безусловно, перипетии личной биографии поэта откладывают отпечаток на особенности изображения Родины как нелюбящей и несправедливой и формируют яростный мотив отчаяния-отрицания; но в целом формирование образа России связано с доминантами поэзии И. Бродского: темами изгнания, памяти и одиночества. Иосиф Александрович неоднократно обращается к архетипу Одиссея, который в его поэзии изгнания имеет свою интерпретацию, отличающуюся от античного прототипа самым главным – не просто невозможностью, но и нежеланием вернуться. И даже если возвращение гипотетически происходит, как в стихотворении «Итака» (1993), то изображение увиденного даётся в намеренно уничижительном, лексически сниженном варианте:

А одну, что тебя, говорят, ждала,
не найти нигде, ибо всем дала [Там же, т. 4, с. 138].

И. Бродский довольно часто пишет о России как об империи, и это тоже один из доминантных мотивов его поэзии:

Россия, Рим, Америка.
Перемена империи связана с гулом слов,
с выделением слюны в результате речи [Там же, т. 3, с. 83]...

– это об Америке. А вот в римских реалиях легко обнаруживается сходство с реалиями российскими:

«Империя – страна для дураков».
Движенье перекрыто по причине
приезда Императора [Там же, т. 2, с. 397].

Осмысление советской действительности, которое со временем трансформировалось в сквозную для поэзии И. Бродского тему империи, было не случайным для поэта. По словам Ч. Милоша, «за поэзией Бродского стоит опыт политического террора, опыт унижения человека и роста тоталитарной империи» [4, с. 238], притом опыт в полной мере автобиографический.

С образом империи связана у И. Бродского одна из главных тем его творчества – конфликт пространства и времени, «ничто» и вечности. По мнению многих исследователей творчества Бродского, именно образ империи лучше всего раскрывает сложную диалектику пространства и времени. Так, Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий считают, что «образ империи – советской или римской – в поэзии Бродского представляет собой попытку противостоять разрушительной власти времени путем... превращения настоящего в вечное – или, иначе говоря, путем остановки времени» [2, с. 652].

«Имперский» подход к трактовке образа России продолжает традиции русской классической литературы, и в этом ракурсе империя – это не только тирания как машина государственного подавления, но и великая держава – культурное образование, связанное даже не легионами, а языком. В этом аспекте образ России у И. А. Бродского дан неразрывно с её культурой, литературой и вписан в русский интертекст, сотканный из реминисценций, цитат, парафраз из поэзии И. Ф. Анненского, Е. А. Баратынского, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака и многих других замечательных русских авторов. Такая Россия не может быть предметом только ностальгии: она не утрачена, а сохранена. Поэтому всё значительно сложнее. Ностальгию же Бродский определяет как «простое неумение справляться с реальностью настоящего и неопределенностью будущего» [1, т. 6, с. 33]. В отличие от многих русских писателей-эмигрантов, он не просто адаптировался и выжил в новой стране и в пространстве чужого языка, но и самоутвердился как англоязычный поэт, прозаик, переводчик и даже стал частью чужой культурной элиты.

Однако жизнь в США при внешней успешности не дала чувства достигнутой свободы и покоя, а стала лишь подтверждением тотального одиночества человека и «полной меры изгнания из реальности», как пишет он в эссе «Состояние, которое мы называем изгнанием» [Там же, с. 36]. Первое десятилетие эмиграции – это время одиночества, острого переживания изгнания и собственной ненужности в стране чужого языка. Анализируя поэзию И. А. Бродского этого периода, исследователь Т. Л. Рыбальченко справедливо пишет о том, что она направлена «поверх американской реальности в реальность России, оставшейся в сознании и не оставляющей места для новой» [6, с. 148]. То есть утраченное пространство России остается даже в тех стихах, где нет образов-воспоминаний, но смыслообразующим становится скрытый диалог с российской реальностью:

А дальше, в потемках, держа на Север,
проваливается и возникает сейнер,
как церковь, затерянная в полях [1, т. 4, с. 115].

В «Колыбельной трескового мыса» (1975) пространство России воссоздаётся как пространство фантастическое. Стихотворный текст фиксирует временную и пространственную дистанцию лирического героя между Россией из его памяти и нынешним пребыванием в небытии:

...за тридевять с лишним земель повернулось на бок
тело, с которым давным-давно
только и общего есть, что дно
океана и навывк
наготы [Там же, т. 3, с. 88].

Вывод неутешителен: эмиграция как продление жизни – лишь иллюзия.

Из поздней лирики И. А. Бродского образы России не уходят, но продолжают существовать в уже особом недостижимом измерении. Отдаленность в пространстве и времени диктует отстраненность взгляда:

Я уже не способен припомнить, когда и где?
Произошло событие. То или иное.
Вчера? Несколько дней назад? В воде?
В воздухе? В местном саду? Со мною [Там же, т. 4, с. 30]?

Тон нейтральности и отстранения станет лейтмотивным во всей поздней лирике поэта. Это интонация времени как такового. Реальное и осязаемое переходит в абстрактное и недостижимое. Ностальгия в позднем творчестве нейтрализуется мрачной иронией и стоическим пафосом не позволить навязать себе статус жертвы. Как следствие, это только усиливает трагическое восприятие образов.

Избранный путь «отчуждения» неизбежно приводит И. А. Бродского к тому, что единственным спасением для писателя, «выброшенного из родного языка», становится язык, он «отступает в него. И из его, скажем, меча язык превращается в его щит, в его капсулу» [Там же, т. 6, с. 35].

Поэт, по Бродскому, есть тот, кто даёт «слово» языку. Вечность языка – родины и вместилища красоты и смысла – начинает «присутствовать в теперь». Мотив победы над временем посредством языка, который есть Бог и единственная оставшаяся опора вне «возлюбленного Отечества», в позднем творчестве И. А. Бродского становится доминирующим. Подобная абсолютизация языка Иосифа Александровича во многом актуализирована жизнью вне русской языковой среды, но не только этим. Это созвучно духу эпохи: и лингвистической концепции Э. Сепира, развивающей идеи В. Гумбольдта, и концепции языка как «дома бытия» М. Хайдеггера, и в целом движению мысли XX века. «Язык – вещь более древняя и более неизбежная, чем государство. Я принадлежу русскому языку, а что касается государства, то, с моей точки зрения, мерой патриотизма писателя является то, как он пишет на языке народа, среди которого живёт...», – напишет И. А. Бродский в письме Л. И. Брежневу перед вынужденным отъездом из России, изгнанием, как станет очевидно почти сразу.

Мысль о том, что единственная форма патриотизма – это язык, будет почти дословно повторена Иосифом Александровичем в Нобелевской речи. Русский язык и есть для И. Бродского, по тонкому и точному замечанию Валентины Полухиной, «самый прекрасный профиль России... маска ее души» [5]. Родной язык для Бродского – это то, что придает его миру смысл и заполняет «махровую безадресность» пространства:

Слушай, дружина, враги и братие!
 Всё, что творил я, творил не ради я
 славы в эпоху кино и радио,
 но ради речи родной, словесности [1, т. 3, с. 18].

Язык есть сущность вневременная, через него мы прорываемся к смыслу бытия, и для поэта единственная возможность обозначить своё существование в грядущем – вернуться в перспективу – оставить свой вклад в языке. И именно в лоне «родного» языка Иосиф Бродский продолжает жить как великий русский поэт.

Список источников

1. **Бродский И.** Сочинения: в 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2. 440 с.; Т. 3. 312 с.; Т. 4. 432 с.; Т. 5. 376 с.; Т. 6. 456 с.
2. **Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.** Современная русская литература. 1950-1990-е годы: в 2-х т. М.: Академия, 2006. Т. 2. 688 с.
3. **Матич О.** Литература Третьей волны: границы, идеология, язык [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/21m.html> (дата обращения: 09.10.2017).
4. **Милош Ч.** Борьба с удущем // Иосиф Бродский: труды и дни / ред., сост. П. Вайль и Л. Лосев. М.: Независимая газета, 1998. С. 237-247.
5. **Полухина В.** Ритмы России в творчестве Бродского [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/10/po18.html> (дата обращения: 09.10.2017).
6. **Рыбальченко Т. Л.** Образ Америки в поэзии И. Бродского // Американские исследования в Сибири: материалы всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. С. 147-163.
7. **Янгфельд Б.** Язык есть Бог: заметки об Иосифе Бродском. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 368 с.

THE IMAGE OF RUSSIA IN IOSIF BRODSKY'S CREATIVE WORK

Podgorskaya Anna Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology
 Nosov Magnitogorsk State Technical University
 podgorsky_a@mail.ru

The article is devoted to analyzing the evolution of the image of Russia in Iosif Brodsky's poetry and prose. The analysis of most typical (in the chosen aspect) texts is conducted from the viewpoint of their endowment with the unique "signs" of Russian culture. The author concludes that for Brodsky the only form of patriotism is the language, which fills the emptiness of space and imparts meaning to existence. The paper traces the implementation of the image of Russia through a number of motives, the basic of which are the motives of memory, exile, Empire. An "imperial" approach to interpreting the image of Russia continues the traditions of Russian classical literature, and in this aspect Empire is not only tyranny as an instrument of state suppression system, but also great power – cultural formation linked together not by military force but by a common language. In this aspect Brodsky's image of Russia is inseparable from its culture, literature and fits the Russian inter-text.

Key words and phrases: Iosif Brodsky; Russia; exile; Russian language; nostalgia; empire; patriotism.

УДК 82(091); 82-3; 82-32; 801.73; 82:801.6

В статье представлен новый взгляд на историю создания и эдиции рассказа Л. Н. Толстого «Ильяс». Уточнено датирование работы писателя над произведением: 14-26 марта, 17 мая 1885 года, первая половина марта 1886 года. Исследованы этапы воплощения замысла. Анализ становления элементов содержания и формы показал, что черновые рукописи не содержат в себе признаков, которые позволили бы подтвердить наличие ранней редакции. Впервые систематизированы разночтения печатных изданий «Ильяса» за 1886 год, выявлена типология смысловых ошибок и погрешностей, допущенных автором и принесенных в рассказ его подготовителями.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; рассказ «Ильяс»; датирование; редакция; вариант; история и научная критика текста; эдиция; смысловая погрешность.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.
 Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
 и_sizova@bk.ru

РАССКАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО «ИЛЬЯС»: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ЭДИЦИИ

Целью настоящей статьи является анализ истории создания и эдиции рассказа Л. Н. Толстого «Ильяс». Рукописный фонд произведения включает четырнадцать листов, большая их часть заполнена текстом с обеих сторон. Сохранилось три рукописи, автограф [16] и две копии с правкой писателя [17; 18]. Сделаны